

«СОВЕТСКАЯ НАЦИЯ» VS «СОВЕТСКИЙ НАРОД»: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Данная дискуссия посвящена методологическим аспектам концепта «советский народ» от возникновения СССР до его распада. Участниками дискуссии поставлен ряд важных вопросов о существовании подобного рода образований, порой представляющих собой дихотомические ряды: советская нация/гражданская нация, советский народ/советская нация, этническое образование/надэтническое образование, и т.д. С опорой на широкую историческую базу и выводы новейшей историографии участниками дискуссии обосновываются основные черты советского народа как групповой общности, центричной государственности в каждый конкретный момент времени. Авторы помещают «советский народ» как в конкретные региональный и темпоральный условия, рассматривают изменение его значения и содержания в зависимости от государственной политики, сложившихся взаимоотношений власти и общества, влияния идеологических факторов. Важным аспектом размышлений участников дискуссии является сравнительный анализ этнических общностей в стране и «советского народа». Особо следует отметить выделение авторами эволюции концепта: от понятия «дружба народов» до собственно идеи «советский народ», с последовательным выявлением характерных черт того или иного периода, анализом тех факторов, которые определили данные изменения на том или ином этапе. В данном контексте важным представляется смена акцентов формирования советской идентичности: многонациональная советская, национальная, наконец, интернациональная советская идентичность. Последняя, по факту, представлена авторами как метаобразование, которое, собственно, и определялось в качестве «советского народа». Искомый концепт рассматривается как часть более широкого социального и языкового контекста. Авторами определены причины формирования данного концепта, названы основные авторы и идеологи, исследованы пути и механизмы его формирования, определено место и роль в международном коммунистическом дискурсе.

Ключевые слова: советский народ, советская нация, гражданская нация, СССР, советская идентичность, национализм, советская идеология, концепции и понятия.

Вопросы дискуссии:

1. Как менялось содержание понятия «советский народ» от 1920-х гг. до распада Советского Союза? Каковы факторы этой эволюции?
2. Какую роль сыграли историки (шире – гуманитарии) в формировании и трансляции языков описания советского народа?
3. «Отец народов» и «внуки Ильича»: какова была роль патернализма, этатизма, вождизма в публичном пространстве советского человека и общественно-политической жизни советского народа?
4. Как формирование и развитие «советского народа» влияло на динамику этнических идентичностей в СССР?
5. Можно ли рассматривать «советский народ» как аналог «гражданской нации» или это принципиально отличные понятия?

Участники дискуссии:

Бранденбергер Дэвид, PhD, профессор истории, Университет Ричмонда (США).

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

Фокин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный университет.

Баранов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, Кубанский государственный университет.

Цитирование: Бранденбергер Д., Тихонов В.В., Фокин А.А., Баранов А.В. «Советская нация» vs «Советский народ»: к вопросу о проблематизации наднациональной идентичности // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. С. 176–220. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-176-220 / Brandenberger D., Tikhonov V.V., Fokin A.A., Baranov A.V. "Soviet Nation" vs "Soviet People": on the Issue of Problematization of Supranational Identity, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 4. Pp. 176–220. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-176-220.

© Бранденбергер Д., Тихонов В.В., Фокин А.А., Баранов А.В., 2022

“SOVIET NATION” VS “SOVIET PEOPLE”: ON THE ISSUE OF PROBLEMATIZATION OF SUPRANATIONAL IDENTITY

Abstract. This discussion is devoted to the methodological aspects of the concept of the “Soviet people” from the emergence of the USSR to its collapse. The participants of the discussion raised a number of important questions about the existence of such entities, sometimes representing dichotomous series: the Soviet nation/civil nation, the Soviet people/Soviet nation, ethnic education/supra-ethnic education, etc. Relying on a broad historical base and the conclusions of modern historiography, the authors place the “Soviet people” as a group community in specific regional and temporal aspects, consider the change in its meaning and content depending on state policy, the established relationship between government and society, the influence of ideological factors. An important aspect of the discussion participants’ reflections is a comparative analysis of ethnic communities in the country and the “Soviet people”. Of particular note is the authors’ emphasis on the evolution of the concept: from the concept of “friendship of peoples” to the idea of the “Soviet people” itself, with the consistent identification of the characteristic features of a particular period, the analysis of those factors that determined these changes at one stage or another. In this context, it is important to change the accents of the formation of Soviet identity: multinational Soviet, national, and finally, international Soviet identity. The latter, in fact, is presented by the authors as a meta-education, which, in fact, was defined as the “Soviet people”. The desired concept is considered as part of a broader social and linguistic context. The authors determined the reasons for the formation of this concept, named the main authors and ideologists, investigated the ways and mechanisms of its formation, determined the place and role in the international communist discourse.

Keywords: Soviet people, Soviet nation, civil nation, USSR, Soviet identity, nationalism, Soviet ideology, concepts and concepts.

Discussion questions:

1. How did the content of the concept of “Soviet people” change from the 1920s to the collapse of the Soviet Union? What are the factors of this evolution?
2. What role did historians (more broadly, humanitarians) play in the formation and translation of the languages of the description of the Soviet people?
3. “Father of Peoples” and “grandchildren of Ilyich”: what was the role of paternalism, statism, leadership in the public space of the Soviet man and the socio-political life of the Soviet people?
4. How did the formation and development of the “Soviet people” influence the dynamics of ethnic identities in the USSR?
5. Is it possible to consider the “Soviet people” as an analogue of the “civil nation” or are these fundamentally different concepts?

Discussants:

Brandenberger David, PhD, Professor of History, University of Richmond (USA).

Tikhonov Vitaly V., Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

Fokin Alexander A., Candidate of Science (History), Associate Professor, Tyumen State University.

Baranov Andrey V., Doctor of Sciences (History), Doctor of Sciences (Political Sciences), Professor, Kuban State University.

ИСТОРИЯ ОФИЦИАЛЬНОГО ПОНЯТИЯ «СОВЕТСКИЙ НАРОД»

Бранденбергер Дэвид
Университет Ричмонда,
Ричмонд, США
dbranden@richmond.edu

Аннотация. Данная статья представляет собой ответы на вопросы в рамках дискуссии о «советском народе» как идее и политической практике. Вопросы, затронутые здесь, касаются развития понятия «советский народ» от возникновения до распада СССР; роль ученых в формировании и трактовке этого понятия; роли патернализма, этатизма и вождизма в развитии «советского народа»; влияния понятия «советский народ» на динамику национальных идентичностей в СССР; и отношения понятий «советский народ» и «гражданская нация». Автор фиксирует появление понятия «советский народ» в 1930-х гг., когда надежды партийной элиты на международную революцию ушли на второй план. Сначала часть партийной идеологии «интернационализма» (наднациональная концепция массовой идентичности), она со временем стала более руссоцентристской. Потом, в середине 1950-х гг., она еще раз совершила крутой поворот, чтобы вернуться к ее прежнему интернационалистическому истолкованию. Понятие «советский народ» не только предоставило населению СССР наднациональное чувство самосознания, но и имело большое влияние на развитие национальной идентичности среди наций страны.

Ключевые слова: советский народ, национальная идентичность, наднациональная идентичность, интернационализм, национализм, руссоцентризм, «Дружба народов», И.В. Сталин.

Цитирование: Бранденбергер Д. История официального понятия «советский народ» // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. С. 180–187. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-180-187 / Brandenberger D. The History of the Official Concept of the “Soviet People”, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 4. Pp. 180–187. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-180-187.

© Бранденбергер Д., 2022

THE HISTORY OF THE OFFICIAL CONCEPT OF THE “SOVIET PEOPLE”

Brandenberger David

University of Richmond,
Richmond, USA
dbranden@richmond.edu

Abstract. This article provides answers to discussion questions for a forum on “the Soviet people as an idea and a political practice”. The issues raised here relate to the development of the concept of the “Soviet people” from the emergence of the USSR to its collapse; the role of scholars in the formation and characterization of the “Soviet people;” the role of paternalism, etatism, and the personality cult in the development of the “Soviet people;” the influence of the concept of the “Soviet people” on the formation of national identities in the USSR; and the relation of the concept of the “Soviet people” to the concept of a “civil nation.” The author identifies the appearance of the idea of the “Soviet people” within the 1930s, when the party elite’s hope for world revolution lost its priority. At first a part of the party’s internationalist ideology (a supranational sense of mass identity), it over time became more russocentric. Then, during the mid-1950s, it made another sharp turn to return to its earlier internationalist interpretation. The understanding of the “Soviet People” not only supplied the population of the USSR with a supranational sense of belonging, but it exerted a lot of influence over the development of national identity among the country’s nations.

Keywords: the Soviet people, national identity, supranational identity, internationalism, nationalism, russocentrism, the “Friendship of the Peoples”, Joseph Stalin.

Как менялось содержание понятия “советский народ” от 1920-х гг. до распада Советского Союза? Каковы факторы этой эволюции?

Большая часть официальной советской идентичности в первые революционные годы существования СССР официально определялась классовым сознанием и пролетарским интернационализмом. Среди нерусских национальностей подчеркивались и новые советские формы групповой идентичности в рамках принципа «национальная по форме, социалистическая по содержанию», которые приветствовали их освобождение из царской «тюрьмы народов» и в то же время обеспечивали их соответствие новым политическим, экономическим и культурным приоритетам. Совсем мало усилий прилагалось, чтобы официально предложить единое чувство советской идентичности, поскольку широкие слои общества еще даже не начали переходить к социализму [Martin, 2001, p. 432–437].

Эта ситуация изменилась к середине 1930-х гг., когда в СССР были заложены основы социалистического общества, и когда надежды партийной элиты на международную революцию рухнули в связи с подъемом фашизма за границей. Н.И. Бухарин впервые сформулировал концепцию единого «советского народа» в 1935 г., указав на возникновение новой, современной идентичности, основанной на единстве целей, руководства и плановой экономики, которые якобы привело к необычайной консолидации народов в новой реальности в героический советский народ [Бухарин, 1934, с. 3; Бухарин, 1935, с. 3]. Позже в том же году И.В. Сталин объявил о появлении нового наднационального чувства единства — «Дружбы народов», основанного на политике братства и доверия между народами [Сталин, 1935; Brandenberger, 2021].

К концу 1930-х гг. это ощущение официальной советской многонациональной идентичности сместилось с акцента почти исключительно на нерусские народы и их национальную и экономическую модернизацию на ведущую роль русского народа, его альтруизм и лидерство в историческом, политическом и культурном плане. Русский народ стал руководящей силой, сначала как «первый среди равных», а затем как «старший брат» в семье советских наций. Это наднациональное понятие отличалось от традиционного национализма, поскольку ставило русский народ в позицию идеологического, политического и культурного лидерства среди народов СССР, но не наделяло его особыми правами, привилегиями или автономией.

К середине 1950-х гг., эта руссоцентристская концепция советского единства и идентичности была пересмотрена, чтобы снова подчеркнуть национальное равенство, интернациональное уважение и взаимопомощь [Бранденбергер, 2017; Brunstedt, 2021, p. 136, 146–152, 157, 162, 173]. Официально утвержденная Н.С. Хрущевым в 1961 г. и включенная сначала в третью Программу партии 1962 г., а затем в советскую Конституцию 1977 г., эта интерпретация наднационального советского единства пользовалась официальным одобрением до 1991 г. [Программа КПСС, 1961, с. 114; Хрущев, 1962, т. 1: с. 153; ГАРФ, ф. Р-7523, оп. 115, д. 218].

В теоретическом плане, многие партийные авторитеты первоначально представляли, что наднациональная идентичность советского народа вытеснит мелкие, региональные, национальные идентичности в СССР и будет способствовать слиянию этих общин с течением времени. При этом сначала И.В. Сталин, а затем идеологи при Н.С. Хрущеве ставили этот процесс под сомнение, утверждая, что национальная идентичность более устойчива и менее преходяща, чем считалось ранее [Сталин, 1949, с. 348–349; Сталин, 1953, с. 53–54; Brunstedt, 2021, р. 148–155]. Официальная дискуссия о слиянии наций перешла к подчеркиванию лишь сближения различных народов СССР, которые теперь должны были обладать одновременно как общесоюзной, наднациональной советской идентичностью, так и региональной, местной, национальной идентичностью, пока всемирная революция не создала условий для глобальной трансформации человеческого общества в коммунизм.

Какую роль сыграли историки (шире – гуманитарии) в формировании и трансляции языков описания советского народа?

Ученые (историки, антропологи, этнографы, демографы, и т.д.) сыграли особую роль в разработке и продвижении официальной концепции советского народа. Они должны были интегрировать традиционные, дореволюционные представления о национальных культурах и межнациональных отношениях с более современными марксистскими и зарубежными концепциями. Они должны были разработать способы модернизации традиционных национальных культур, чтобы позволить им сформироваться в качестве внутренне непротиворечивых, современных элементов будущего социалистического общества [Hirsch, 2005; Goff, 2021]. И перед ними была поставлена задача превратить часто упрощенные и штампованные высказывания партийных лидеров об идентичности в более изощренные заявления о научной социалистической идентичности в СССР и одновременно согласовать свою научную работу с непредсказуемыми заявлениями партийного руководства.

«Отец народов» и «внуки Ильича»: какова была роль патернализма, этатизма, вождизма в публичном пространстве советского человека и общественно-политической жизни советского народа?

Настроенное по своей сути интернационалистски, партийное руководство усиленно пыталось адаптировать свою марксистскую идеологию к реалиям «социализма в одной отдельно взятой стране» в 1920-е гг. после того, как перспективы глобальной революции ушли на второй план. Этот переход от идеализма к прагматизму сыграл определяющую роль в появлении официальной формы советской идентичности.

Еще до революции В.И. Ленин и И.В. Сталин осознавали важность национального самосознания и то, что любое сближение различных национальностей в единое социалистическое общество потребует поколений. По этой причине партийное руководство пыталось поощрять формирование национальных коммунистических движений в СССР, чтобы модернизировать традиционные народы и культуры в

современные «советские нации», которые поддерживали бы советское единство и социалистический интернационализм вместо местного национализма. По мере централизации СССР в конце 1920-х–начале 1930-х гг. эта национальная политика коренизации неоднократно пересматривалась из-за официального опасения, что национал-коммунисты недостаточно привержены идее наднационального чувства советского единства [Martin, 2001, особ. гл. 6–7].

Иными словами, СССР официально поощрял развитие национальных идентичностей и интернационалистического уважения, чтобы превратить традиционные культуры в современные строительные блоки социалистического индустриального общества. Такая партийная линия была одновременно патерналистской и этатистской нежели идеалистической. Культ личности играл менее важную роль, чем патернализм или этатизм, но он подтверждал незаслуженный авторитет И.В. Сталина в сложном и тонком вопросе о национальной политике.

Как формирование и развитие “советского народа” влияло на динамику этнических идентичностей в СССР?

Поскольку партийное руководство объявило приоритетом развитие унитарного государства, экономики и общества, а не сохранение традиционных национальных общностей, его приверженность национальному партикуляризму и самореализации была далеко не самой приоритетной.

Ученые помогали партийному руководству в разработке политики, которая объединила бы различные национальные сообщества в более целостные нации в то же время, пока они модернизировали их для продвижения современных социалистических приоритетов [Hirsh 2006; Єсельчик 2008; Palko 2020]. Интересно, что традиционные, исторические элементы этих культур не были полностью стерты, а наоборот частично преувеличены, чтобы подчеркнуть степень их причудливости, простоты, архаичности и несовместимости с индустриальным обществом настоящего и будущего¹. Современные элементы нерусских культур также были низведены до нормативных, стандартизированных и бюрократических уровней — официальный флаг, официальный гимн, официальное двуязычие в государственном управлении, образовании и т.д.²

Если таким образом всем советским народам при И.В. Сталине было приписано фольклорное прошлое, то только русскому народу была дозволена связанная дореволюционная политическая история, насчитывающая почти тысячу лет. Это историческое повествование, созданное в середине-конце 1930-х гг., уделяла особое внимание преемственности, которая связывала Киевскую Русь, Московию и Российскую империю. Другие государства в регионе — Галицко-Волынское княжество, Золотая

¹ Данное явление упоминает синдром «Ориентализм» в исследовании западноевропейского империализма — см.: Said E. *Orientalism*. New York: Pantheon, 1978.

² Вообще по данной теме см.: Billig M. *Banal Nationalism*. London: Sage, 1995. Автор выражает благодарность Ф. Бауманну за ссылку.

Орда, Казанское ханство, Речь Посполитая — рассматривались не как равноправные праотцы, а как соперники, которых нужно победить и включить в качестве колоний в центральный имперский проект. Таким образом, официальная дореволюционная история СССР при И.В. Сталине представляла собой полный национальный нарратив только в отношении русского народа; нерусские, будь то украинцы, грузины или казахи, упоминались только тогда, когда их истории пересекались с господствующей руссоцентристской линией. Когда, наконец, после смерти И.В. Сталина истории нерусских народов стало уделяться больше внимания, эти истории остались подчиненными русско-советской истории и зависели от братской помощи альтруистического русского народа.

Можно ли рассматривать «советский народ» как аналог «гражданской нации» или это принципиально отличные понятия?

Партийные идеологи, начиная с Н.И. Бухарина, представляли концепцию советского народа как инклюзивной наднациональной группы (т.е. гражданской нации), которая была способна включать в себя обособленные национальные общности. Косвенно, они видимо видели родство данной концепции с другими гражданскими национальными идентичностями, как американская, британская и китайская нация.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). Москва: РОССПЭН, 2017. 405 с.

Бухарин Н.И. Рождения и развитие социалистической родины // *Известия*. 1934. 6 июня.

Бухарин Н.И. Героический советский народ // *Известия*. 1935. 6 июля.

ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 115. Д. 218.

Программа Коммунистической партии Советского Союза. Москва: Госполитиздат, 1961. 144 с.

Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм. Ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим [1929] // *Сталин И.В.* Сочинения. В 13 томах. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1949. Т. 11. С. 333–355.

Сталин И.В. Речь тов. Сталина на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана // *Правда*. 5 декабря 1935 г.

Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М.: Издательство «Писатель», 1997. С. 100–101.

Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. Москва: Госполитиздат, 1951. 54 с.

Хрущев Н.С. О программе Коммунистической партий Советского союза // *XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза (17–31 октября 1961 года)*. Стенографический отчет. В 2-х томах. Москва: Госполитиздат, 1962. Т. 1. С. 141–257.

Єкельчик С. Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній. Київ: Критика, 2008. 304 с.

Brandenberger D. Global in Form, Soviet in Content: The Changing Semantics of Internationalism in Official Soviet Discourse, 1917–1991 // *Russian Review*. 2021. Т. 80. № 4. Pp. 562–580.

Brunstedt J. *The Soviet Myth of World War II: Patriotic Memory and the Russian Question in the USSR*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 320 p.

Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 367 p.

Goff K. *Nested Nationalism Making and Unmaking Nations in the Soviet Caucasus*. Ithaca: Cornell University Press, 2021. 336 p.

Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 496 p.

Palko O. *Making Ukraine Soviet: Literature and Cultural Politics under Lenin and Stalin*. London: Bloomsbury, 2020. 280 p.

REFERENCES:

Brandenberger D. *Stalinskii russotsentrizm. Sovetskaia massovaia kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniia, 1931–1953 gg.* [Stalinist russocentrism. Soviet mass culture and the formation of modern Russian national identity.] Moscow: ROSSPEN, 2017. 405 p. (in Russian).

Bukharin N.I. Rozhdenie i razvitie sotsialisticheskoi rodiny [The origins and development of the socialist motherland], in *Izvestiia*. 6 June 1934 (in Russian).

Bukharin N.I. Geroicheskie sovetskii narod [The heroic soviet people], in *Izvestiia*. 6 July 1935 (in Russian).

State archive of the Russian Federation (GARF). F. R-7523. Inv. 115. D. 218.

*Programma Kommunisticheskoi partii Sovetskogo soiuz*a [Program of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: Gospolitizdat [State political literature publishing house], 1961. 144 p. (in Russian).

Stalin I.V. Natsional'nyi vopros i leninizm. Otvet tovarishcham Meshkovu, Koval'chuku, i drugim [1929] [The national question and Leninism. An answer to comrades Meshkov, Kovalchuk and others (1929)], in *Stalin I.V. Sochineniia* [Works]. In 13 volumes. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury [State political literature publishing house, 1949. Vol. 11. Pp. 333–355 (in Russian).

Stalin I.V. Rech. tov. Stalin na soveshchani peredovykh kolkhoznikov i kolkhoznits Tadjikistana i Turkmenistana [Comrade Stalin's speech at the meeting of leading collective farmers of Turkmenistan and Tadjikistan], in *Pravda*. 5 December 1935 (in Russian).

Stalin I.V. *Sochineniia* [Works]. Moscow: Izdatel'stvo "Pisatel'", 1997. Pp. 100–101 (in Russian).

- Stalin I.V. *Marksizm i voprosy iazykoznaviia* [Marxism and questions of linguists]. Moscow: Gosudarstvennoe idatel'stvo politicheskoi literatury, 1953. 54 p. (in Russian).
- Khrushhchev N.S. O programme Kommunisticheskoi partii Sovetskogo soiuza [On the program of the Communist Party of the Soviet Union, in *XXII s'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo soiuza (17–31 oktiabria 1961)* [XXII Congress of the Communist Party of the Soviet Union (17–31 October 1961)]. Stenograficheskii otchet [Stenographic transcript]. In two volumes. Moscow: Gospolitizdat [State political literature publishing house], 1962. Vol.1. Pp. 141–257 (in Russian).
- Yekelchik S. *Imperiya pamyati. Rosiys'ko-ukrayins'ki stosunki v radyans'kiy istorychniy* [The Empire of Memory. Russian-Ukrainian relations in Soviet history]. Kyiv: Krytyka, 2008. 304 p. (in Ukraine).
- Brandenberger D. Global in Form, Soviet in Content: The Changing Semantics of Internationalism in Official Soviet Discourse, 1917–1991, in *Russian Review*. 2021. Vol. 80. No. 4. Pp. 562–580.
- Brunstedt J. *The Soviet Myth of World War II: Patriotic Memory and the Russian Question in the USSR*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 320 p.
- Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 367 p.
- Goff K. *Nested Nationalism Making and Unmaking Nations in the Soviet Caucasus*. Ithaca: Cornell University Press, 2021. 336 p.
- Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 496 p.
- Palko O. *Making Ukraine Soviet: Literature and Cultural Politics under Lenin and Stalin*. London: Bloomsbury, 2020. 280 p.

Статья принята к публикации 14.11.2022 г.

ОТ «СССР-ЦЕВ» ДО «СОВЕТСКОГО НАРОДА»: В ПОИСКАХ ЕДИНСТВА НА 1/6 СУШИ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ

Тихонов Виталий Витальевич

Институт российской истории РАН,

Москва, Россия

tihonovvitaliy@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция концепта «советский народ». Он создавался в условиях господства сталинской этнизированной концепции нации, не позволявшей применять это понятие в форме надэтнической «государственной (политической) нации». Определение нации, данное Сталиным, продолжало оставаться актуальным и после разоблачения «культы личности». Но сюда же стоит добавить международный контекст. Формулировка представлений о «советской государственной нации», неизбежно ассоциирующейся с конкретным государством — Советским Союзом, противоречила идее победы коммунизма в мировом масштабе, поскольку получалось, что «советская нация» — это только граждане конкретной страны. Не случайно О. Куусинен, создатель базового для советской идеологии пособия по марксизму-ленинизму, в конце 1950-х гг. всячески подчеркивал проблематичность этого вопроса в ситуации активных национально-освободительных движений в мире. В конце 1970-х гг. концепция «советского народа» как надэтнического образования была окончательно закреплена. Теорию следует рассматривать в тесной связи с практическим применением концепта «советский народ», который в советской идеологии, по крайней мере в сталинское время, выполнял не только консолидирующую, но и мобилизующую функцию перед лицом внешнего и внутреннего врага. Не случайно наиболее активно он использовался во время обострения международных отношений и мощных внутривнутриполитических идеологических кампаний конца 1930-х гг. и конца 1940-х—начала 1950-х гг., а также в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: советский народ, национализм, история концептов.

Цитирование: Тихонов В.В. От «СССР-цев» до «советского народа»: в поисках единства на 1/6 суши планеты Земля // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. С. 188–201. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-188-201 / Tikhonov V.V. From The “SSSR-tsev” to the “Soviet People”: in Search of Unity on the 1/6th of the Land of the Planet Earth, in Novoe Proshloe / The New Past. 2022. No. 4. Pp. 188–201. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-188-201.

© Тихонов В.В., 2022

FROM THE “SSSR-TSEV” TO THE “SOVIET PEOPLE”: IN SEARCH OF UNITY ON THE 1/6TH OF THE LAND OF THE PLANET EARTH

Tikhonov Vitaliy V.

Institute of Russian history of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
tikhonovvitaliy@list.ru

Abstract. The article discusses the evolution of the concept of “Soviet people”. It was created under the domination of Stalin’s ethnized concept of the nation, which did not allow applying this concept in the form of a supra-ethnic “state (political) nation”. The definition of the nation given by Stalin continued to remain relevant even after the exposure of the “cult of personality”. But it is also worth adding an international context. The formulation of ideas about the “Soviet state nation”, inevitably associated with a specific state – the Soviet Union, contradicted the idea of the victory of communism on a global scale, since it turned out that the “Soviet nation” is only citizens of a specific country. It is not by chance that O. Kuusinen, the creator of the basic manual on Marxism-Leninism for Soviet ideology, in the late 1950s in every possible way emphasized the problematic nature of this issue in the situation of active national liberation movements in the world. In the late 1970s. the concept of the “Soviet people” as a supra-ethnic entity was finally consolidated. The theory should be considered in close connection with the practical application of the concept of the “Soviet people”, which in Soviet ideology, at least in Stalin’s time, performed not only a consolidating, but also a mobilizing function in the face of an external and internal enemy. It is no coincidence that it was most actively used during the aggravation of international relations and powerful domestic political ideological campaigns of the late 1930s and late 1940s–early 1950s, as well as during the Great Patriotic War.

Keywords: Soviet people, nationalism, history of concepts.

Ответ на ключевые вопросы: «А существовал ли советский народ в действительности, и если — да, то что это было?» — во многом определяется тем, что под «советским народом» понимается. Именно терминологические нюансы приобретают в данном случае особую важность. В научных трудах и тем более в публицистике часто используют как аналог «советскому народу», понятие «советская нация», по умолчанию подразумевая под этим некую вариацию современных наций. При этом часто просто опускается вопрос: «советский» в данном случае — это гражданская или национальная идентичность? Предполагается, что почти десятилетия советской власти привели к тому, что общесоветская идентичность становилась значимее, чем локально-этническая. В этой связи обращают внимание на существование до сих пор множества людей, считающих себя «советскими», или акцентирующими факт своего рождения в Советском Союзе.

Как ни парадоксально, этот образ многонационального СССР во многом является проекцией эпохи расцвета национализмов на постсоветском пространстве. Просто «советский национализм», хороший, объединяющий, противопоставляется плохим, разъединяющим. Где-то на горизонте маячит идея реконструкции СССР. Впрочем, по моим ощущениям, идея этой реконструкции носит скорее великодержавный, лево-консервативный вектор, и мало имеет общего с интернационализмом или коммунистическими идеалами. Не случайно КПРФ, объявившая себя наследницей КПСС, последовательно придерживается жесткой программы по ограничению миграции из бывших республик СССР. Ностальгия по советской эпохе вполне мирно уживается с консервативно-националистической политикой. Однако, понимание и сущностные характеристики «советского народа», даваемые в 1920–1980-е гг., часто имели мало общего с современными образами той эпохи. Советский проект обладал значительной динамикой, что непосредственно отражалось и на представлениях о «советском народе», их смысловом наполнении и акцентах.

Безусловно, «советский народ» следует оценивать в качестве значимого концепта советского общественно-политического лексикона, но появился он не сразу. Однозначно, создатели СССР изначально не планировали создания какого-то особого «советского народа», их целью была мировая революция и формирование всемирной коммунистической конфедерации (или вообще мира без каких-либо границ, многое зависело от полета фантазии). Советский Союз должен был стать форпостом наступающей новой эры. Возможно, из-за этого и был выбран формат государственности как союза республик с правом выхода, к которой в будущем могут присоединиться новые советские республики. В этой системе координат национальные вопросы не то что бы считались малозначимыми, но казались менее важными, чем вопросы борьбы классов, пролетарской солидарности и т.д. Национализм рассматривался в качестве камуфляжа социально-экономической несправедливости, поэтому бытовало представление, что ее преодоление автоматически устраняет и национальные проблемы. В этом проявлялось представление о том, что национальные отношения принадлежат к надстроечным явлениям, которые

определяются базисом. Забегая вперед, можно указать, что такой взгляд на национальные отношения сохранится на протяжении всего советского времени.

Однако, большевики столкнулись с резким ростом национального самосознания, разбуженного политическими процессами в Российской империи начала XX в., Первой мировой и Гражданской войнами. В 1920-е гг. ими проводилась политика актуализации этничности т.н. «националов» с одновременным подавлением великорусского национализма. Союзные республики имели значительный внутренний суверенитет, а СССР нередко рассматривали в качестве конфедерации.

Тем не менее предполагалось, что общий социалистический строй должен сближать людей. Среди ученых и партийных интеллектуалов существовали как сторонники того, что в стране идет процесс консолидации народов, так и те, кто подчеркивал, что происходит процесс кристаллизации наций. В 1929 г. на совещании этнографов Москвы и Ленинграда В.Г. Богораз говорил об «СССР-цах» [От классиков к марксизму..., 2014, с. 115], имея в виду, что население Советского Союза достигло определенного единства. Однако определяющее влияние на теоретиков оказала работа И.В. Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия» (1913), в которой он дал этнизированное определение (которое немного редактировалось в последующих изданиях) нации, как «исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры... Только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию» [Сталин, 1956, с. 296–297]. Кстати, сам Сталин в 1920-е гг. выступил резко против идеи ассимиляции наций, заявив, что марксизм-ленинизм исключает такие методы. Наоборот, утверждал он, следует всячески способствовать расцвету национальных культур и устранению недоверия между ними, и уже после победы диктатуры пролетариата в мировом масштабе возможен процесс слияния наций [Сталин, 1949, с. 333–355].

Главным творцом концепта «советский народ» стал Н. Бухарин. Он же, кстати, сформулировал и одну из ключевых идеологем сталинской эпохи — «советский патриотизм». Он доказывал, что на базе социалистического хозяйства растет единство трудящихся разных национальностей. Из этого процесса «вырастает новая реальность: “героический советский народ”, многонациональный и объединяющий силы пролетариата, колхозного крестьянства и советской интеллигенции...» [Вдовин, 2013, с. 110; Whittington, 2019, р. 147–149]. Постепенно сочетание «советский народ» проникало и укреплялось в массовой советской культуре [Аманжолова, 2014, с. 28]. Очевидно, что определенную роль в утверждении «советского народа» сыграло распространение понятия «дружба народов», вошедшего в актуальный идеологический лексикон в конце 1935 г. и акцентирующего надклассовое единство народов СССР [Tillett, 1969; Виноградов, 1995, с. 455–462; Бранденбергер, 2017, с. 51; Brandenberger, 2021, р. 9].

Почему «советский народ», а не «советская нация»? Причин было несколько. Во-первых, этнизированное определение нации, данное Сталиным, не позволяло

применить это понятие в качестве надэтнического, как вариацию гражданской нации. Во-вторых, в 1930-е гг. в Европе происходит бурный рост национализма и фашистских партий, активно апеллирующих к идее нации. В этом контексте понятие нация приобретало определенные негативные коннотации. В-третьих, целый ряд административных практик в СССР 1930-х гг. зафиксировал нацию как этнодифференцирующее понятие. Например, в советских паспортах, вводимых с 1933 г. (Постановление ЦИК и СНК от 27 декабря 1932 г.), вводилась графа «национальность», задачей которой являлась фиксация национальной дифференциации граждан СССР [Байбурин, 2017, с. 216–229]. Получалось, что «нация» уже выступала в качестве этно-дифференцирующего понятия. В этой ситуации именно «народ» мог выполнять интегрирующие функции.

Обращение к Национальному корпусу русского языка¹ позволяет обнаружить любопытный факт: концепт «советский народ» в сталинскую эпоху носил отчетливую мобилизационную функцию. «Советский народ» противопоставлялся шпионам, врагам народа, внешним врагам и т.д. Часто указывалось, что «советский народ» сплотился вокруг партии и ее вождей. Значительные всплески применения концепта в публичном пространстве приходится на годы Великой Отечественной войны, особенно на победный 1945 г. и послевоенные идеологические кампании, построенные на противопоставлении СССР капиталистическому миру. Именно Великая Отечественная война и победа в ней стали важнейшим фактором утверждения концепта «советский народ» в качестве идентификационного маркера населения Советского Союза [Тишков, 2021, с. 205–229; Аманжолова, 2021, с. 485–534]. Война сплотила людей разных национальностей, а государство активно использовало мобилизующий и консолидирующий потенциал концепта. Таким образом, в 1930–начале 1950-х гг. концепт «советский народ» носил ярко выраженный мобилизующий характер и должен был спланировать население СССР перед лицом внешних и внутренних врагов и подчеркивать его единство с партией и ее вождями, особенно Сталиным.

Анализ базы данных East View позволил увидеть, что со второй половины 1950-х гг. растет количество печатной продукции, в заглавии которой используется концепт «советский народ». Затем наблюдался только спад, затем временный подъем во второй половине 1970-х гг. в связи с обсуждением новой Конституции, а потом опять заметный спад на протяжении всех 1980-х гг. [Whittington, 2019, p. 152]. Очевидно, что всплески соотносятся с разработками новых конституций и программ партии, призванных прийти на смену сталинской Конституции 1936 г. В этих документах можно было бы актуализировать и переформатировать концепт «советский народ».

¹ https://processing.ruscorpora.ru/graphic.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&sr=1&g_i_doc&startyear=1800&dpp=10&spp=10&text=lexform&req=%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4&smoothing=3&graphic_from_result=1&endyear=2019&mode=main&nodia=1&spd=10&out=normal&fbclid=IwAR28Z-i2StKQG0D56AehctbseKJt18eRgg0IkWTguxeWe2v8TwN9Q6tLcdg#toggle.

При подготовки проекта новой Конституции при Н.С. Хрущеве (так и не была принята) «советский народ» уже использовался как вполне устоявшееся понятие, но акцент был сделан на политическую связку партия-народ. Подготовка проекта новой Программы КПСС вновь актуализировала поиски теоретиков и идеологов. В журнале «Коммунист» проскользнуло утверждение, что в СССР «выковывается единая советская нация». Важную роль в формулировке концепта «советский народ» сыграл философ М.Д. Каммари, который 23 мая 1961 г. выступил с публичной лекцией «Расцвет социалистических наций и их сближение в период перехода от социализма к коммунизму», в которой он утверждал, что «советский народ» «уже не “нация”, а более высокая и широкая по типу историческая общность (экономическая, политическая, культурная и даже языковая), чем народ и нация» [Каммари, 1961, с. 14]. М.Д. Каммари прописал несколько важных положений, в дальнейшем ставших элементами официального концепта «советский народ». Во-первых, представление о новой исторической общности, появление которой возможно только в условиях социализма и которая провозглашалась более высокой формой развития по сравнению с «классическими» нациями. Во-вторых, базисом этой общности — в соответствии с позицией Ленина — объявлялся не национальный, а социально-экономический фундамент.

Идеи о «новой исторической общности» проникали и в официальные документы. При обсуждении Программы на XXII съезде КПСС (17–31 октября 1961 г.) ЦК партии в лице Н.С. Хрущева указывал: «В СССР сложилась новая историческая общность людей разных национальностей, имеющих общие характерные черты, — советский народ. Они имеют общую социалистическую Родину — СССР, общую экономическую базу — социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру, общее мировоззрение — марксизм-ленинизм, общую цель — построение коммунизма, много общих черт в духовном облике, в психологии» [XXII съезд Коммунистической партии..., 1962, с. 153]. Но это положение не вошло в окончательную версию программы. Известно, что против него активно выступал О.В. Куусинен, который указывал, что следует говорить не о слиянии народов, а об их сближении. Он призывал учитывать вероятный международный резонанс от тезиса о слиянии наций, поскольку национально-освободительные движения, многие из которых симпатизировали Советскому Союзу и прямо им поддерживались, могут воспринять его негативно, так как данный тезис фактически отрицает национальную самостоятельность и самоопределение народов [Журавлев, 2005, с. 399].

Эти же установки были заложены О.В. Куусиненом и в подготовленное под его руководством учебное пособие «Основы марксизма-ленинизма» (первое издание — 1959 г.), призванное заменить «Историю ВКП (б). Краткий курс» и сборник трудов И.В. Сталина «Вопросы ленинизма». В пособии много места было посвящено проблеме колониализма, национально-освободительным движениям и распаду колониальной системы, а национальным вопросам внутри социалистических стран (в первую очередь СССР) внимания уделялось относительно немного. Важно указать, что определение нации, данное И.В. Сталиным, было сочтено все еще актуальным

и повторено в пособии. Авторы не использовали понятие «советский народ», предпочитая говорить о социалистических нациях. Вообще проблеме задавался отчетливый интернациональный ракурс, она помещалась в контекст общемирового развития, целью которого являлся коммунизм. Главной тенденцией в развитии социалистических наций указывалось не слияние или поглощение, а их сближение. Делался следующий прогноз: «Конечно, нации, а, следовательно, и национальные культуры и языки, будут существовать еще очень долго и после победы коммунизма. Но жизнь и общение различных народов освободятся от всего, что дает хоть малейший повод для вражды и распрей, обособленности и отчужденности, национального...» [Основы марксизма-ленинизма..., 1959, с. 749].

Неопределенность порождала некоторую дискуссионность. В 1960-е гг. проходили дискуссии о характере «новой общности»: является ли она нацией (А.В. Ефимов) или межнациональной общностью (М.С. Джунусов). Складывается ли она или уже сложилась [Куличенко, 1979, с. 9–10]. Знаковый сборник «Многонациональный советский народ – новая историческая общность людей» (М., 1966) окончательно зафиксировал многонациональный характер «новой общности» и утвердил понятие «советский народ», а не «нация» или что-то еще.

Брежневская эпоха мало что поменяла, зафиксировав своеобразный статус-кво. Официально было объявлено, что национальный вопрос окончательно решен и никаких проблем в межэтнической сфере быть не может [Круглов, 2020, с. 259–262]. Данная доктринальная установка действовала вплоть до начала серьезных этнических конфликтов в конце 1980-х гг. В Конституции 1977 г. постарались пройти по тонкой грани между идеологемами содружества наций и «советским народом». Л.И. Брежнев в официальной речи на сессии Верховного Совета СССР 4 октября 1977 г. предостерег от радикальных выводов в связи с теорией «новой исторической общности»: «В СССР, как известно, сложилась новая историческая общность людей – советский народ. Некоторые товарищи (их, правда, очень немного) сделали из этого неправильные выводы. Они предлагают ввести в Конституцию понятие единой советской нации, ликвидировать союзные и автономные республики или резко ограничить суверенитет союзных республик, лишив их права выхода из СССР, права на внешние сношения... Социально-политическое единство советского народа вовсе не означает исчезновения национальных различий. Благодаря последовательному проведению ленинской национальной политики мы, построив социализм, одновременно – впервые в истории – успешно решили национальный вопрос. Нерушима дружба советских народов, в процессе коммунистического строительства неуклонно происходит их сближение, взаимное обогащение их духовной жизни. Но мы встали бы на опасный путь, если бы начали искусственно форсировать этот объективный процесс сближения наций» [XXIV съезд Коммунистической партии..., 1971, с. 101].

Таким образом, можно считать, что к концу 1970-х гг. теория советского народа была официально утверждена. Она состояла из следующих компонентов. Во-первых, в качестве фундамента появления и развития советского народа

рассматривался социализм. В этой связи подчеркивалось, что перед нами уникальная форма объединения, появление которой стало возможно только в результате победы Октябрьской революции. Во-вторых, перед нами не очередная «нация», а принципиально новое объединение наций и народов на основе сближения социальных и культурных черт и выравнивания уровня их экономического развития. В-третьих, предполагалось, что интернациональное воспитание формирует устойчивую любовь к собственной культуре и культуре других народов СССР. Марксизм-ленинизм выполнял функцию интегрирующей идеологии, а советский патриотизм являлся ее эмоциональной компонентой.

Со стороны этнографов фиксировались многочисленные примеры сближения народов Советского Союза, как в культурном, так и в материальном плане. Говорилось о межэтнической интеграции как магистральном пути развития народов. Фиксировался рост межнациональных браков, особенно между русскими, украинцами и белорусами. В языковой сфере внедрялась концепция двуязычия, предполагающая сохранение родного языка и свободное владение русским языком, как языком межнационального общения. Культурное сближение предполагало сохранение этнического колорита с одновременным освоением культуры других народов. Единая культурная инфраструктура позволяла все чаще говорить о формировании межнациональной советской культуры. Религия рассматривалась как тормозящий фактор, а исчезновение религиозных барьеров признавалось фактором успешной межэтнической интеграции [Современные этнические процессы, 1977; Бромлей, 1981, с. 329–354].

Обращение к Национальному корпусу русского языка высвечивает любопытную картину: на сталинское время приходится наиболее высокая частотность его применения. Вопреки ожиданиям, в 1960–1970-е гг. не наблюдается интенсивного использования. Возможно, это является следствием дефектов базы данных. Однако, это наблюдение требует пристального внимания и проверки, поскольку, если оно верно, получается, что концепт «советский народ» был тесно связан с мобилизующим сталинским режимом, а по мере снижения мобилизационного напряжения советского общества его значение падает и переходит в форму теоретических выкладок.

Возникает естественный вопрос: в какой мере прописанная в теории картина соответствовала реальности? В советологии времен Холодной войны традиционно был силен скептический взгляд на реальность «советского народа». Сейчас среди современных специалистов нет единства. Многие считают «новую историческую общность» лишь камуфляжем, скрывавшим реальные национальные проблемы [Трагедия Великой державы, 2005]. В последние годы звучат все более сдержанные оценки. А.И. Вдовин указывает на реальность межэтнических интеграционных процессов, несмотря на все противоречия [Вдовин, 2013, с. 323–333]. О том же пишет и Д.А. Аманжолова [Аманжолова, 2014, с. 11–34]. В.А. Тишков считает, что можно говорить о советском народе как вариации гражданской нации [Тишков, 2013, с. 225–226]. Н.Ф. Бугай и Е.Ю. Зубкова, отмечая многочисленные противоречия

национальных процессов в СССР, указывают, что представления о советском народе вполне соответствовали настроениям части общества [Этнический и религиозный факторы, 2012, с. 300]. На силу межнациональной солидарности в позднесоветском обществе указывает С. Коткин [Коткин, 2018, с. 54]. Р. Суни призывает рассматривать проблему в динамике и указывает, что у разных народов сила идентификации с Советским Союзом была разная: у одних – больше, у других – меньше [Суни, 2014, с. 17–40].

Тем не менее приходится констатировать, что признание/непризнание «советского народа», как вполне осязаемой реальности, во многом носит все еще умозрительный характер. Очевидно, что процесс исследования этой темы продолжается. Однако, уже сейчас можно ответить достаточно четко, что если понимать под «советским народом» не «советскую нацию», а то, что в это вкладывали советские теоретики, то можно говорить, что многие компоненты концепта (социалистическая реальность, сближение культур и социальных реалий) реально существовали. Но вот утверждения интернационализма и уважения к другим национальным культурам, как показали события конца 1980-х гг., видимо, не получилось. Наоборот, к концу 1980-х гг. возник феномен, когда институты, традиционно играющие этно-интегрирующую роль (армия, школа, литература, массовая культура и т.д.) начали играть прямо противоположную функцию, выступая в качестве инструментов этнической мобилизации и дезинтеграции. Данный феномен еще требует изучения.

Итак, «советский народ» так и не стал «советской нацией». Советский Союз создавался как форпост мирового коммунизма, а не как классическое современное государство, стремящееся к этнической унификации. Однако, развиваясь во многом в логике современного государства, советское государство нередко реализовывало практики, направленные на унификацию этносов. Особенно это стало заметным во второй половине 1930-х гг. Однако, эффекту «плавильного котла» сильно мешали специфические советские практики контроля. Например, паспорт и многочисленные анкеты фиксировали и нередко стигматизировали национальность, мешая свободному выбору идентичности. Не меньше мешала и система прописки, приводившая к снижению социальной мобильности в советском обществе и, как следствие, существенно ослабляя процессы интеграции. Рост дефицита во второй половине 1970-х гг. на фоне быстрой урбанизации (города – традиционное место «переплавки» этнической идентичности) приводил к обострению конкуренции за ограниченные товары и ресурсы, что, в свою очередь, стимулировало обострение бытового национализма. «Понаехавшие» русские (по факту к «русским» часто причислялись и украинцы с белорусами) в союзных республиках и, наоборот, представители «нерусских» национальностей) стали фактором раздражения. Функцию «внутренних иных» играли евреи, к которым негативно относились еще и из-за роста еврейской эмиграции из СССР. Дефицит стимулировал и рост этнофобий по отношению к успешным торговцам из кавказских республик – грузинам и азербайджанцам, которых обвиняли в наживе на русском населении.

Но остается и еще один вопрос. Насколько концепт «советский народ» можно признать удачным? Ответить на это непросто. С одной стороны, он включил в себя, в том или ином виде, как минимум несколько питательных источников коллективных действий: коммунистическую идею, государственный патриотизм и национализм (сохранение национальной идентичности народов СССР и развитие их национальных культур, «русоцентризм» и т.д.), пусть и в сильно усеченном виде (возможно, здесь можно воспользоваться термином Э. Хобсбаума — протонационализм). Кажется бы, это должно было его только усилить, придавать некую универсальность. Но возникает мысль: не слишком ли он был перегружен противоречивыми установками? Не было ли его тяжело реализовать из-за сложности и противоречивости? Простые формулы легче усваиваются массами благодаря своей простоте и понятности, и именно в таком виде служат факторами мобилизации и консолидации. В конце концов, коммунистическая идея из-за ее интернационализма вступала в некоторый диссонанс с государственным патриотизмом и протонационализмом/ами в его/их советской версии. Д. Бранденбергер небезосновательно предположил, что сталинский «русоцентризм» разбудил русский национализм вопреки проектам идеологов [Бранденбергер, 2017]. Концепт «советский народ» пытался синтезировать компоненты, потенциально готовые вступить в конфликт. Именно это и случилось в конце 1980-х гг., когда произошла мобилизация одних на основе коммунистической идеи, другие выступили под государственных, квази-имперскими лозунгами, а третьи — под флагами этно-национализмов. Противоречия концепта «советский народ» не стали причиной дезинтеграцией общества и распада Советского Союза, но сам концепт, по-видимому, не смог исполнить свою консолидирующую роль.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аманжолова Д.А. Советский народ — историческая реальность или фантом? // *Вестник Российской нации*. 2014. № 4. С. 11–34.

Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Красовицкая Т.Ю., Тихонов В.В. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М.: Новый хронограф, 2021. 575 с.

Байбурин А. Советский паспорт: история–структура–практики. СПб.: Европейский университет, 2017. 488 с.

Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 405 с.

Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. 390 с.

Вдовин А.И. Русские в XX веке: Трагедии и триумфы великого народа. М.: Вече, 2013. 624 с.

Виноградов И. Жизнь и смерть советского понятия «дружба народов» // *Cahiers du Monde russe*. 1995. № 4(36). Pp. 455–462.

Журавлев С.В. «Кремлевский диссидент»: документы об Отто Куусинене в ЦК КПСС в середине 1950-х–начале 1960-х годов // *Труды Института российской истории РАН*. Вып. 5. М.: ИРИ РАН, 2005. С. 322–347.

Каммари М.Д. Расцвет социалистических наций и их сближение в период перехода от социализма к коммунизму (Стенограмма лекции, прочитанной на межреспубликанском семинаре-совещании на тему «Дружба народов и социалистический интернационализм — великая сила в борьбе за построение коммунизма», 23 мая, 1961 г.). На правах рукописи. Львов, 1961. 32 с.

Коткин С. Предотвращенный Армагеддон: Распад Советского Союза, 1970–2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 233 с.

Круглов В.Н. Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 480 с.

Куличенко М.И. Образование и развитие советского народа как новой исторической общности (историография) // *Вопросы истории*. 1979. № 4. С. 3–23.

Основы марксизма-ленинизма. Учебное пособие. М.: Политиздат, 1959. 783 с.

От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). Под ред. Д.В. Арзютова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 509 с.

Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М.: Наука, 1977. 562 с.

Сталин И.В. Сочинения. М.: Политиздат, 1946. Т. 2. 427 с.

Сталин И.В. Сочинения. М.: Политиздат, 1949. Т. 11. 381 с.

Суни Р.Г. Советское и национальное: единство противоречий // *Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы*. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: РОССПЭН, 2014. С. 17–40.

Тишков В.А. Национальная идея России. Российский народ и его идентичность. М.: АСТ, 2021. 416 с.

Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013. 649 с.

Трагедия Великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза: материалы международной научной конференции, Москва, 01–30 сентября 2004 года. М.: Социально-политическая мысль, 2005. 600 с.

Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. Отв. ред. В.А. Тишков и Т.Ю. Красовицкая. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с.

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. I. М.: Политиздат, 1962. 602 с.

XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта–9 апреля 1971 года. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1971. Т. 1. 598 с.

Brandenberger D. Global in Form, Soviet in Content. The Changing Semantics of Internationalism in Official Soviet Discourse, 1917–1991 // *The Russian Review*. 2021. № 80 (October 2021). Pp. 562–580.

Tillett L. *The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*. Chapel-Hill, 1969. 468 p.

Whittington A. Making a Home for the Soviet People: World War II and the Origins of the Sovetskii Narod // *Empire and Belonging in Eurasian Borderlands*. Cornell University Press, 2019. Pp. 147–149.

REFERENCES:

Amanzholova D.A. Sovetskij narod – istoricheskaja real'nost' ili fantom? [Is the Soviet people a historical reality or a phantom?], in *Vestnik Rossijskoj nacii*. 2014. No. 4. Pp. 11–34 (in Russian)

Amanzholova D.A., Drozdov K.S., Krasovickaja T.Ju., Tihonov V.V. *Sovetskij nacional'nyj projekt v 1920–1940-e gody: ideologija i praktika* [The Soviet National Project in the 1920s–1940s: ideology and Practice]. Moscow: Novyi Hronograf, 2021. 575 p. (in Russian)

Bajburin A. *Sovetskij pasport: istorija–struktura–praktiki* [Soviet passport: history–structure–practices]. St. Petersburg: Evropejskij universitet, 2017. 488 p. (in Russian)

Brandenberger D. *Stalinskij russocentrizm. Sovetskaja massovaja kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznanija (1931–1956 gg.)* [Stalinist Russiacentrism. Soviet Mass Culture and the Formation of Russian National Identity (1931–1956)]. Moscow: Politicheskaja jenciklopedija, 2017. 405 p. (in Russian)

Bromlej Ju.V. *Sovremennye problemy jetnografii* [Modern problems of ethnography]. Moscow: Nauka, 1981. 390 p. (in Russian)

Vdovin A.I. *Russkie v XX veke: Tragedii i triumfy velikogo Naroda* [Russians in the 20th century: Tragedies and Triumphs of a great People]. Moscow: Veche, 2013. 624 p. (in Russian)

Vinogradov I. Zhizn' i smert' sovetskogo ponjatija "druzhiba narodov" [The life and death of the Soviet concept of "friendship of peoples"], in *Cahiers du Monde russe*. 1995. No. 4(36). Pp. 455–462. (in Russian)

Zhuravlev S.V. "Kremlevskij dissident": dokumenty ob Otto Kuusinene v CK KPSS v seredine 1950-h–nachale 1960-h godov ["Kremlin dissident": documents about Otto Kuusinen in the Central Committee of the CPSU in the mid-1950s–early 1960s], in *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN*. Vyp. 5. Moscow: IRI RAN, 2005. Pp. 322–347 (in Russian)

Kammari M.D. *Rascvet socialisticheskijh nacij i ih sblizhenie v period perehoda ot socializma k kommunizmu (Stenogramma lekcij, pročitanoj na mezhrespublikanskom seminare-soveshhanii na temu "Druzhiba narodov i socialisticheskijh internacionalizm – velikaja sila v bor'be za postroenie kommunizma", 23 maja, 1961 g.)* [The heyday of socialist nations and their rapprochement during the transition from Socialism to Communism (Transcript of a lecture delivered at an inter-republican seminar–meeting on the topic "Friendship of

peoples and socialist internationalism – a great force in the struggle for the construction of Communism”, May 23, 1961).]. Na pravah rukopisi. L'vov, 1961. 32 p. (in Russian)

Kotkin S. *Predotvrashhennyj Armageddon: Raspad Sovetskogo Sojuza, 1970–2000* [Averted Armageddon: The Collapse of the Soviet Union, 1970–2000.]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 233 p. (in Russian)

Kruglov V.N. *Organizacija territorii Rossii v 1917–2007 gg.: idei, praktika, rezul'taty* [Organization of the territory of Russia in 1917–2007: ideas, practice, results]. Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2020. 480 p. (in Russian)

Kulichenko M.I. *Obrazovanie i razvitie sovetskogo naroda kak novoj istoricheskoy obshhnosti (istoriografija)* [Education and development of the Soviet people as a new Historical community (historiography)], in *Voprosy istorii*. 1979. No. 4. Pp. 3–23 (in Russian)

Osnovy marksizma-leninizma [Fundamentals of Marxism-Leninism]. Uchebnoe posobie. Moscow: Politizdat, 1959. 783 p. (in Russian)

Ot klassikov k marksizmu: soveshanie jetnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelja 1929 g.) [From Classics to Marxism: Meeting of Ethnographers of Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929)]. Pod red. D.V. Arzjutova, D. Dzh. Andersona. St. Petersburg: MAJe RAN, 2014. 509 p. (in Russian)

Sovremennye jetnicheskie processy v SSSR [Modern ethnic processes in the USSR]. 2-e izd. Moscow: Nauka, 1977. 562 p. (in Russian)

Stalin I.V. *Sochinenija* [Essays]. Moscow: Politizdat, 1946. Vol. 2. 427 p. (in Russian)

Stalin I.V. *Sochinenija* [Essays]. Moscow: Politizdat, 1949. Vol. 11. 381 p. (in Russian)

Suni R.G. *Sovetskoe i nacional'noe: edinstvo protivorechij* [Soviet and National: unity of contradictions], in *Sovetskie nacii i nacional'naja politika v 1920–1950-e gody. Materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Kiev, 10–12 oktjabrja 2013 g. [Soviet nations and national policy in the 1920s–1950s. Materials of VI international scientific conference. Kyiv, October 10–12, 2013]. Moscow, 2014. Pp. 17–40 (in Russian)

Tishkov V.A. *Nacional'naja ideja Rossii. Rossijskij narod i ego identichnost'* [The national idea of Russia. The Russian people and their identity]. Moscow: AST, 2021. 416 p. (in Russian)

Tragedija Velikoj derzhavy: nacional'nyj vopros i raspad Sovetskogo Sojuza: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 01–30 sentjabrja 2004 goda [The Tragedy of the Great Power: the National Question and the Collapse of the Soviet Union: materials of the international scientific conference]. Moscow: ROSSPEN, 2005. 600 p. (in Russian)

Jetnicheskij i religioznyj faktory v formirovanii i jevoljucii rossijskogo gosudarstva [Ethnic and religious factors in the formation and evolution of the Russian state]. Otv. red. V.A. Tishkov i T.Ju. Krasovickaja. Moscow: Novyj hronograf, 2012. 448 p. (in Russian)

XXII s'ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Sojuza. Stenograficheskij otchet [22th Congress of the Communist Party of the Soviet Union. Verbatim report]. Vol. I. Moscow: Politizdat, 1962. 602 p. (in Russian)

XXIV s'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Sojuza. 30 marta–9 aprilja 1971 goda. Stenograficheskij otchet [24th Congress of the Communist Party of the Soviet Union. March 30–April 9, 1971. Verbatim report]. Moscow: Politizdat, 1971. Vol. 1. 598 p. (in Russian)

Brandenberger D. Global in Form, Soviet in Content. The Changing Semantics of Internationalism in Official Soviet Discourse, 1917–1991, in *The Russian Review*. 2021. No. 80 (October 2021). Pp. 562–580.

Tillett L. *The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*. Chapel-Hill, 1969. 468 p.

Whittington A. Making a Home for the Soviet People: World War II and the Origins of the Sovetskii Narod, in *Empire and Belonging in Eurasian Borderlands*. Cornell University Press, 2019. Pp. 147–149.

Статья принята к публикации 14.11.2022 г.

«СОВЕТСКИЙ НАРОД»: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ К ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ¹

Фокин Александр Александрович

Тюменский государственный университет,

Тюмень, Россия

a.a.fokin@utmn.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные варианты использования концепта «советский народ». В советском общественно-политическом языке и публичном пространстве необходимо было постоянно артикулировать складывание «советского народа», как новой общности. Это показывает, что «советский народ», как и многие другие понятия общественно-политического языка советского периода, оказывается весьма сложной конструкцией, который не может быть понят на основании обыденного знания, а нуждается в серьезной контекстуализации. И «советский народ» и «советский человек» были инструментами консолидации политической нации в рамках советского проекта. Необходима была некий зонтичный термин, который снимал бы внутренние противоречия и выступал бы общим знаменателем для многообразного опыта внутри советской системы. В итоге анализ обращение к понятию «советский народ» ставит вопрос о необходимости использования теоретической рамки. Такой рамкой может быть история понятий. При этом и мировая и российская традиция изучения истории понятия прежде всего обращает свое внимание на период Нового времени. XX в. пока остается Terra Incognita для истории понятий и намечаются первые пробные шаги в этом направлении. Поэтому необходимо осуществить комплексное исследование советского общественно-политического языка, чтобы понятие «советские народ» рассматривалось не изолированно, а как часть более широкого социального и языкового контекста.

Ключевые слова: советский народ, история понятий, советская идеология.

Цитирование: Фокин А.А. «Советский народ»: от политической истории к истории понятий // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. С. 202–211. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-202-211 / Fokin A.A. "Soviet People": From Political History to a History of Concepts, in Novoe Proshloe / The New Past. 2022. No. 4. Pp. 202–211. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-202-211.

© Фокин А.А., 2022

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00342 «Институциональные и не-институциональные ритуалы в структуре позднесоветского общества (1956–1985)».

“SOVIET PEOPLE”: FROM POLITICAL HISTORY TO A HISTORY OF CONCEPTS

Fokin Alexander A.

Tyumen State University,
Tyumen, Russia
a.a.fokin@utmn.ruGrant

Abstract. The article examines the different uses of the concept “Soviet people”. In Soviet socio-political language and public space, it was necessary to constantly articulate the formation of “Soviet people” as a new community. This shows that “Soviet people”, like many other concepts of the socio-political language of the Soviet period, turns out to be a very complex construction, which cannot be understood on the basis of ordinary knowledge, but needs serious contextualization. Both “Soviet people” and “Soviet man” were tools for the consolidation of the political nation within the Soviet project. What was needed was some umbrella term that would remove internal contradictions and act as a common denominator for the diverse experience within the Soviet system. As a result, the analysis of the appeal to the notion of “Soviet people” » raises the question of the need for a theoretical framework. Such a framework could be the history of concepts. At the same time, both the world and Russian tradition of studying the history of the concept, first of all, draws our attention to the period of the New Age. The 20th century is still Terra Incognita for the history of concepts and the first tentative steps in this direction are being made. Therefore, a comprehensive study of Soviet social and political language is needed, so that the notion of “Soviet people” can be seen not in isolation, but as part of a broader social and linguistic context.

Keywords: Soviet People, History of Concepts, Soviet Ideology.

«Партия решила сложнейшую проблему, которая веками волновала человечество, а в мире капитализма и поныне сохраняет свою остроту, — проблему взаимоотношений между нациями. Царскую Россию называли “тюрьмой народов”. Советский Союз называют братской семьей народов, страной дружбы и расцвета наций. Советский строй поднял к новой жизни, привел к расцвету все ранее угнетенные и бесправные народы, стоявшие на разных ступенях исторического развития, от патриархально-родового строя до капиталистического. Отсталые ранее народы при помощи более развитых и прежде всего великого русского народа миновали капиталистический путь, поднялись до уровня передовых. В СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, — советский народ» [XXII съезд..., 1962, с. 153] — эта цитата из речи Никиты Хрущева на XXII съезде КПСС в 1961 г. показывает важный семантический контекст национальной политики, который стал оформляться в позднесоветский период. В определенном смысле понятие «советский народ» схоже с понятием «социализм», который аналогичным образом формировался в результате деятельности советского партийно-государственного аппарата. При этом не было четких критериев, которые бы позволяли определить завершенность этого процесса. Поэтому социализм в СССР одновременно существовал, по сталинскому определению «в основном» (что означало отсутствие антагонистических классов), и находился в процессе окончательного установления. На разных этапах советской истории провозглашались разные варианты его существования. Похожая история происходила и с советским народом, который одновременно и был, и складывался. До и после Н.С. Хрущева в разные периоды пытались провозгласить формирование этой новой общности. Так в 1971 г. Л.И. Брежнев провозглашает возникновение новой общности: «возникла новая историческая общность людей — советский народ» [XXIV съезд..., 1971, с. 101], а затем эта формула повторяется в тексте Конституции 1977 г.: «Это — общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ» [Конституция..., 1977, с. 4]. Такое подчеркивание показывает, что в политическом языке и публичном пространстве понятие «советский народ», как и многие другие понятия общественно-политического языка советского периода, оказывается весьма сложной конструкцией, которая не может быть понята на основании обыденного знания, а нуждается в серьезной контекстуализации.

Само словосочетание появляется фактически сразу с приходом большевиков к власти. Так, в дневнике Николая Окунева за 11 февраля 1921 г. можно обнаружить такую запись: «А Ленин в Москве (тоже в это время) издает декрет о прекращении выдачи советским служащим всяких особых пайков, т.е. переводит всех, всех, всех на голодный паек. Конечно, это справедливо, если рабочим сокращен трудовой паек, но зачем было преждевременно хвастаться, что вот мы кончим эти войны, расправимся с разными Врангелями, и жри, советский народ, напропалую, — у нас всего вволю» [Окунев, 1921]. Важно, что в первые годы советской власти понятия

«советский народ» выходит за пределы идеологического языка и «уходит» в народ и уже московский обыватель пользуется этой конструкцией. Важно отметить, что на протяжении всего советского периода у понятия «советский народ» всегда существовало два параллельных значения. С одной стороны, понятие «советский народ» употреблялось, когда необходимо было обозначить всю совокупность людей, живших в СССР. Так на XXII съезде КПСС, на котором Никита Хрущев заявлял о формировании новой общности людей, говорилось: «Наша партия окружена всенародной любовью. Советские люди видят в своей родной партии мудрого руководителя, верного выразителя их коренных интересов и устремлений. Весь советский народ безраздельно поддерживает и активно претворяет в жизнь политику Коммунистической партии» [XXII съезд..., 1962, с. 591]. В данном случае советский народ обозначает не этническую и не надэтническую категорию, а политическое объединение. В этом контексте понятие «советский народ» аналогично понятию «советский человек» [Фокин, 2021]. И советский народ, и советский человек были инструментами консолидации политической нации в рамках советского проекта. Необходим был некий зонтичный термин, который снимал бы внутренние противоречия и выступал бы общим знаменателем для многообразного опыта внутри советской системы.

Генеалогию идеологического оформления понятия советский народ достаточно полно осветил Виталий Тихонов [Тихонов, 2022] (его анализ понятия «советский народ» в значительной степени перекликается с работой Дэвида Бранденбергера [Brandenberger, 2021] об истории понятия «интернационализм», эти две статьи отлично дополняют друг друга, создавая возможность оценить контекст риторики) показав, что одна из первых попыток обосновать формирования советского народа принадлежит Николаю Бухарину, который предполагал, что социалистическая экономика станет той базой, на которой будет формироваться многонациональный советский народ. Тут важно отметить использования определения «многонациональный», что предполагает определенную диалектику, ибо советский народ объединяет, но не отменяет национальные различия. В дальнейшем пальма первенства в теоретической разработке советского национального вопроса переходит в руки Иосифа Сталина [Красовицкая, 1999] для которого, с одной стороны, нация была преимущественно этнической категорией, а, с другой стороны, происходило постепенное оформление официального руссоцентризма. Поэтому в Конституции 1936 г. места «советскому народу» не нашлось. Виталий Тихонов справедливо отмечает, что это показывает и Национальный корпус русского языка, — пик употребления понятия «советский народ» приходится на 1950-е гг. Можно сделать предположение, что это было частью общей политики позднего сталинизма и посталинского времени, куда можно вписать и постановку вопроса, и разработки новой программы партии, созыв после 13-летнего перерыва XIX съезда партии, и переименование ВКП(б) в КПСС. Таким образом, происходило стремление к переформатированию идеологических оснований, куда могла вписаться и концепция «советского народа» как наднациональная общность. Уже в позднесоветский период, когда «советский

народ» стал частью официальной риторики, обоснование данного понятия переложили на плечи академического сообщества.

Этот переход оказывается особенно важным, поскольку он соединяет в себе две исследовательские линии: большую дискуссию о возможностях постколониального анализа советского проекта, и историю советской этнографии и ее вклад в национальную политику. Применительно к изучению советской истории 1920–1930-х гг. можно говорить о наличии как фактографических, так и концептуальных работ по национальному вопросу, которые показывают многофакторный и противоречивый характер работы большевистского руководства с категориями этничности и национальности. Помимо известной концепции Терри Мартина «позитивного социального действия» [Мартин, 2011] можно еще выделить исследования Жюльет Кадио [Кадио, 2010] и Франсис Хирш [Хирш, 2022], в которых важное место отводится анализу деятельности этнографов, работников музеев, статистиков и прочих экспертов. На стыке истории науки и политической истории получается увидеть, что многие положения советской официальной идеологии не возникали на пустом месте, а формировались целым спектром акторов. К сожалению, подобные работы на позднесоветском материале только возникают (в этом направлении активно работает Сергей Алымов) и поэтому не хватает понимания механизмом производства экспертного знания в позднем СССР. А это в свою очередь должно стать важной частью дискуссии в рамках постколониальной оптики.

В современной ситуации можно все чаще видеть заявления о колониальном характере советского проекта не только в рамках академического знания, но и от различных активистов, прежде всего национальных, которые тем самым хотят провести аналогию между СССР и классическими колониальными империями для усиления собственной общественно-политической позиции. Таким образом, дискуссия о советской национальной политике в целом, и позднесоветской в частности, выходит за рамки академического сообщества и становится, пусть не мейнстримом, но видимой частью общественных дебатов. На мой взгляд, наиболее концептуальным представляется подход, который сформулировал Сергей Абашин, размышляя о дискуссии «был ли СССР колониальной империей»: «Для выхода из самовоспроизводящейся и потому тупиковой дискуссии «за или против» следует, как мне думается, настроить свое зрение таким образом, чтобы увидеть и принять противоречивый, неоднозначный, сложный характер советского — сложный и в смысле его временной этапности, и пространственного разнообразия, и сосуществования конкурирующих проектов, личных опытов и тенденций. В этой неоднозначности было место и неравенству вместе с попытками его преодоления, и колониальности вместе с антиколониальными практиками, и массовым политическим ограничениям, вплоть до репрессий, вместе с массовой же социальной мобильностью, и строительству наций вместе со строительством наднациональной общности» [Абашин, 2016]. Как раз анализ понятия «советский народ» в широком контексте и позволит посмотреть на то, как риторически оформлялась идея наднациональной общности.

Начав этот текст с фрагмента выступления Н.С. Хрущева на XXII съезде КПСС следует напомнить о том, что принятие III Программы КПСС на этом съезде было оформлено через всенародное обсуждение, которое спровоцировало поток обращений граждан в разные органы власти. Некоторые авторы в этом контексте подняли еврейский вопрос. В. Сыроваткин писал: «Евреи являются в СССР привилегированной нацией, т.к. они занимаются только умственным или легким трудом и не работают в шахтах, у станков, на тракторе и т.д., поэтому дружба с ними невозможна» [РГАСПИ, ф. 586, оп. 1, д. 301, л. 26]. Показательно, что в сознании автора евреи выделяются из категории советских граждан, с которыми либо можно дружить, либо нельзя, это подчеркивает инородность евреев в рамках Советского Союза. Поэтому нет ничего удивительного в том, что дальше В. Сыроваткин предлагает или выселить всех евреев в Израиль, или собрать их в автономной области. Отметим, что представители еврейской диаспоры, апеллируя к провозглашаемому в СССР интернационализму, жаловались на разнообразные проявления антисемитизма на улицах, в трамваях, в квартирах, в учреждениях и т.д., с которыми необходимо было, по их мысли, вести непримиримую борьбу. Тем самым коммунистические перспективы для двух точек зрения по еврейскому вопросу отчасти являлись средством самозащиты и отстаивания своих интересов.

Вопрос об антисемитизме, в силу исторического опыта, был наиболее ярко выраженным, но находился в одном ряду с проблемой нации в коммунистическом будущем. Официальный дискурс в данном вопросе пытался соединить две тенденции. С одной стороны, по мере развития общественных отношений на коммунистических началах должно было происходить стирание всяческих различий, что привело бы к сближению различных наций на основе коммунистической культуры. С другой стороны, прямое постулирование курса на унификацию наций могло быть воспринято как проявление русского шовинизма и покушение на самобытность наций. В условиях существования разнообразных национальных ССР это могло привести к возникновению противоречий и разобщенности, что, в свою очередь, мешало бы выполнению задач коммунистического строительства, для которого необходимо было сплочение всего населения СССР. Поэтому официальная точка зрения пыталась отразить оба варианта или вообще говорила о невозможности предсказать развитие национальных отношений в коммунистическом обществе.

Народные представления в этом вопросе были более конкретны, для многих людей предсказание судьбы нации в будущем и даже настоящем не составляло труда. Некоторые развивали идею о том, что русский язык можно сделать государственным и он может заменить все остальные языки СССР, а переход на один язык для всех народов ускорит построение коммунизма. Другие прямо предлагали указать в тексте Программы конечную цель решения национального вопроса, т.е. перспективу полного слияния наций при коммунизме. Третья группа авторов, напротив, всячески настаивала на сохранении национальных культур. В коллективном письме из Киева предлагалось ввести обязательное изучение родного языка (украинского) и в течение двух-трех лет перевести на украинский преподавание всех дисциплин в

высших и средних специальных учебных учреждениях. В.И. Ухалов и О.Ж. Кушкабаев призывали вести борьбу против насильственной ассимиляции малых народов, проявление которой они видели в том, что многие представители различных национальностей считают своим родным языком русский. Для некоторых коммунистическая свобода и самоорганизация распространялась и на национальные отношения, соединяясь с рядом национальных проблем, и порождала высказывания о том, что определение национальности по биологическим признакам является пережитком и необходимо разрешить советским людям самим решать вопрос о национальной принадлежности [РГАСПИ, ф. 586, оп. 1, д. 298, л. 7–14]. Ситуация в настоящем транслировалась на будущее устройство и одновременно соотносилась с идеализированным образом коммунистического общежития.

В итоге анализ обращение к понятию «советский народ» ставит вопрос о необходимости использования теоретической рамки. На данный момент существует две большие историографические традиции изучения истории понятий: «History of Concepts» — зародилась в рамках кембриджской школы интеллектуальной истории и связана с такими именами как К. Скиннер и Дж. Покок; «Begriffsgeschichte» — сформировалась в значительной степени в результате деятельности Р. Коззелека, результатом которой стало создание «Исторического словаря социально-политического языка в Германии» (*Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*). Англо-саксонская традиция основой анализа считает контекст — полемическую языковую ситуацию. По их мнению, историк изучает более широкий круг источников, позволяющих реконструировать полемическую ситуацию высказывания и набор сложившихся в определенный момент идиоматических узусов, определяющих ситуацию, в которой говорил и действовал посредством речи автор. В центре внимания оказывается либеральная практика языковой игры как элемента политической борьбы, не санкционированной прямым авторитетом и насилием. Подход Р. Коззелека же, напротив, предполагает, что история понятий (*Begriffsgeschichte*) может стать посредником между историей языка и фактической историей. То есть история понятий помогает понять, как опыт и фактические обстоятельства облекаются в слова и концепты, и одновременно с этим показывает, как опыт и обстоятельства понимаются людьми. При этом и мировая, и российская традиция изучения истории понятия прежде всего обращает свое внимание на период Нового времени. XX в. пока остается *Terra Incognita* для истории понятий и намечаются первые пробные шаги в этом направлении. Так еще в 2010 г. в журнале «*Zeithistorische Forschungen*» Кристианом Геуленом (Christian Geulen) был озвучено предложение по изучению фундаментальных концепций в Германии XX в. [Geulen, 2010], что позволило бы расширить темпоральные границы проекта, начатого Р. Коззелеком и его командой, и посмотреть, как основные понятия немецкого языка проходят через две мировые войны и отражают период нацистской диктатуры. На советском материале различные авторы пытались создать варианты энциклопедий советского языка (Лебина, Сарнов, Земцов), но все эти издания были ориентированы на описательный формат. Своей целью они ставили либо знакомство с ушедшими реалиями советской эпохи, либо игру на ностальгии и

напоминание о прошлом через отдельные слова. На более высоком концептуальном уровне построено исследование под редакцией Бориса Колоницкого [Слова и конфликты..., 2022] в котором впервые рассматриваются значимые понятия языка гражданской войны («смута», «гражданская война», «гражданский мир», «большевизм», «анархия» «вождь», «гражданин»), реконструируются их значения и изучается практика их разнообразного политического использования. Поэтому необходимо осуществить комплексное исследование советского общественно-политического языка, чтобы понятие «советские народ» рассматривалось не изолированно, а как часть более широкого социального и языкового контекста.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

XXII съезд КПСС (17–31 октября 1961 года): Стенографический отчет. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1962. 608 с.

XXIV съезд КПСС (30 марта–9 апреля 1971 года): Стенографический отчет. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1971. 598 с.

Абашин С. Советское = колониальное? (За и против) // *Понятия о советском в Центральной Азии: Альманах Штаба: Центральноазиатское художественно-теоретическое издание*. Бишкек: Штаб-Press, 2016. С. 28–49.

Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940. М.: НЛО, 2010. 336 с.

Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. М.: Политиздат, 1977. 43 с.

Красовицкая Т.Ю. О сталинской формулировке нации в контексте времени и места ее бытования // *Россия в XX веке: проблемы национальных отношений*. М.: Наука, 1999. С. 313–326.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 855 с.

Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924: в 2 книгах / Прожито. URL: <https://prozhito.org/note/17606> (дата обращения – 10 октября 2022 г.).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 298.

РГАСПИ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 301.

Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России: сборник статей. Под ред. Б.И. Колоницкого. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 328 с.

Тихонов В.В., Карлов В.В. Советский народ // *Общенациональный интерактивный энциклопедический портал «Знания»*. 2022. № 10.

Фокин А.А. «Советский человек» одновременно существует и не существует // *Новое прошлое*. 2021. № 4. С. 238–247.

Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: НЛО, 2022. 472 с.

Brandenberer D. Global and Transnational in Form, Soviet in Content: The Changing Semantics of Internationalism in Official Soviet Discourse, 1917–1991 // *The Russian Review*. 2021. Т. 80. № 4. Pp. 562–580.

Geulen C. Plädoyer für eine Geschichte der Grundbegriffe des 20. Jahrhunderts [Toward a history of twentieth-century basic concepts], *Zeithistorische Forschungen // Studies in Contemporary History*. 2010. № 7. Pp. 79–97.

REFERENCES:

XXII sezd KPSS (17–31 oktiabria 1961 goda): Stenograficheskii otchet [XXII Congress of the CPSU (October 17–October 31, 1961): Verbatim Report]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat, 1962. 608 p. (in Russian).

XXIV sezd KPSS (30 marta–9 apreliia 1971 goda): Stenograficheskii otchet [XXIV Congress of the CPSU (March 30–April 9, 1971): verbatim report]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat, 1971. 598 p. (in Russian).

Abashin S. Sovetskoe = kolonial'noe? (Za i protiv) [Soviet = Colonial? (Pros and Cons)], in *Poniatiia o sovetskom v Tsentral'noi Azii: Al'manakh Shtaba: Tsentral'noaziatskoe khudozhestvenno-teoreticheskoe izdanie* [Concepts of the Soviet in Central Asia: Almanac of the Headquarters: Central Asian Artistic and Theoretical Edition]. Bishkek: Shtab-Press, 2016. Pp. 28–49 (in Russian).

Cadiot J. *Le laboratoire impérial: Russie-URSS 1860–1940*. Paris: CNRS Éditions, 2007. 267 p. (in Russian).

Konstitutsiia (osnovnoi zakon) Soiuzu Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik: Priniata na vnocherednoi sed'moi sessii Verkhovnogo Soveta SSSR deviatogo sozyva 7 oktiabria 1977 goda [Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: Adopted at the extraordinary seventh session of the USSR Supreme Soviet of the ninth convocation on October 7, 1977.]. Moscow: Politizdat, 1977. 43 p. (in Russian).

Krasovitskaia T.Iu. O stalinskoi formulirovke natsii v kontekste vremeni i mesta ee bytovaniia [On Stalin's formulation of the nation in the context of time and place of its existence], in *Rossiiia v XX veke: problemy natsional'nykh otnoshenii* [Russia in the 20th century: problems of national relations]. Moscow: Nauka, 1999. Pp. 313–326 (in Russian).

Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. 496 p. (in Russian).

Okunev N.P. Dnevnik moskvicha, 1917–1924: V 2 knigakh [Diary of a Muscovite, 1917–1924: In 2 books], in *Prozhito*. Available at: <https://prozhito.org/note/17606> (accessed 10 October 2022).

Russian State Archive of Socio-political History (RGASPI). F. 586. Inv. 1. D. 298.

RGASPI. F. 586. Inv. 1. D. 301.

Slova i konflikty: iazyk protivostoianii i eskalatsiia grazhdanskoj voiny v Rossii: sbornik statei [Words and conflicts: language of confrontation and escalation of civil war in Russia: a collection of articles]. Ed. by B.I. Kolonitskogo. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2022. 328 p. (in Russian).

Tikhonov V.V., Karlov V.V. Sovetskii narod [Soviet people], in *Obshchenatsional'nyi interaktivnyi entsiklopedicheskii portal "Znaniia"*. 2022. No. 10 (in Russian).

Fokin A.A. "Sovetskii chelovek" odnovremenko sushchestvuet i ne sushchestvuet ["Soviet man" simultaneously exists and does not exist], in *Novoe proshloe*. 2021. No. 4. Pp. 238–247 (in Russian).

Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 367 p. (in Russian).

Brandenberer D. Global and Transnational in Form, Soviet in Content: The Changing Semantics of Internationalism in Official Soviet Discourse, 1917–1991, in *The Russian Review*. 2021. Vol. 80. No. 4. Pp. 562–580.

Geulen C. Plädoyer für eine Geschichte der Grundbegriffe des 20. Jahrhunderts [Toward a history of twentieth-century basic concepts], *Zeithistorische Forschungen*, in *Studies in Contemporary History*. 2010. No. 7. Pp. 79–97.

Статья принята к публикации 14.11.2022 г.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА И «КОРЕНИЗАЦИЯ» В СССР, 1920–1932 гг.: СЛОЖНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ¹

Баранов Андрей Владимирович

Кубанский государственный университет,

Краснодар, Россия

baranovandrew@mail.ru

Аннотация. В статье освещена взаимосвязь между конкурирующими процессами: формированием советского народа и национальной политикой «коренизации» в 1920–1932 гг. Исследование проблемы ведется на основе концепции конструктивизма применительно к истории этнических групп и территориального устройства государства. В данном контексте автор отстаивает надэтническую, политико-правовую трактовку терминов «нация» и «национальное». Кроме того, советская общественная система принципиально не допускала сохранения гражданского общества. Поэтому советский народ создавался в качестве государственно-управляемого интегрированного сообщества, «государственной нации», но включавшей в себя и не ассимилировавшей многочисленные народы страны. Автор выясняет факторы изменений приоритетов нациестроительства в Советском государстве, конструирования и развития этнических идентичностей. Изучена роль этнографов, статистиков и журналистов в формировании нормативных представлений о народах СССР. Установлено значительное влияние традиций патернализма и этатизма на регулирование межэтнических отношений, взаимодействий полиэтничного общества и системы государственной власти. Аргументируется вывод о том, что в раннесоветский период термин «советский народ» применялся сравнительно редко и в основном в идеологическом смысле; насыщение термина этническими коннотациями развивается позже, в 1930–1950-х гг.

Ключевые слова: советский народ, формирование, «коренизация», СССР, взаимодействие, 1920–1932 гг.

Цитирование: Баранов А.В. Формирование советского народа и «коренизация» в СССР, 1920–1932 гг.: сложное взаимодействие // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. С. 212–220. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-212-220 / Baranov A.V. The Formation of the Soviet People and "Korenization" in the USSR, 1920–1932: Difficult Interaction, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 4. Pp. 212–220. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-212-220.

© Баранов А.В., 2022

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

THE FORMATION OF THE SOVIET PEOPLE AND “KORENIZATION” IN THE USSR, 1920–1932: DIFFICULT INTERACTION

Baranov Andrey V.

Kuban State University,
Krasnodar, Russia
baranovandrew@mail.ru

Abstract. The article highlights the relationship between competing processes: the formation of the Soviet people and the ethnopolitics of “korenization” in 1920–1932. The study of the problem is carried out on the basis of the concept of constructivism in relation to the history of ethnic groups and the territorial structure of the state. In this context, the author defends the supra-ethnic, political and legal interpretation of the terms “nation” and “national”. In addition, the Soviet social system fundamentally did not allow the preservation of civil society. Therefore, the Soviet people was created as a state-controlled integrated community, a “state nation”, which did not assimilate the numerous peoples of the country. The author finds out the factors of changes in the priorities of nation-building in the Soviet state, the construction and development of ethnic identities. The role of ethnographers, statisticians and journalists in the formation of normative ideas about the peoples of the USSR is studied. A significant influence of the traditions of paternalism and etatism on the regulation of interethnic relations, interactions of a multi-ethnic society and the system of state power has been established. The conclusion is argued that in the early Soviet period the term “Soviet people” was used relatively rarely and mainly in an ideological sense; the saturation of the term with ethnic connotations develops later, in the 1930s–1950s.

Keywords: Soviet people, formation, korenization, USSR, interaction, 1920–1932.

Тема статьи обладает неизменной актуальностью, что особенно проявляется накануне 100-летия образования СССР. Чтобы успешно интегрировать многочисленные народы России в эффективном государстве, необходимо определить принципы и понятийный аппарат такой интеграции, причем и в аспекте институциональном (строение системы государственной власти), и в аспекте социокультурном (соотношение общегосударственной и этнических идентичностей, привлекательный проект общего будущего). Поэтому опыт формирования советского народа привлекает все большее внимание историков. Формирование советского народа — это сложный, длительный и неизученный процесс, который полезно исследовать в контексте альтернативных тенденций развития этнополитики 1920-х–начала 1930-х гг.

Цель статьи — определить противоречивую взаимосвязь между конкурирующими процессами: формированием советского народа и национальной политикой «коренизации» в 1920–1932 гг.

Выбор хронологических рамок исследования определяется от победы Советской России над регулярными армиями Белого движения, совпавшей с выбором курса «коренизации» в этнополитике (решения X съезда РКП(б)) до прекращения «коренизации» и перехода к курсу укрепления «русского ядра» государства. Тема исследуется преимущественно на примере Юга России (в 1924–1934 гг. именовавшегося Северо-Кавказским краем).

В советский период могли публиковаться только комплиментарные работы о национальной политике, находившиеся в системе координат «классового подхода», «пролетарского интернационализма» и т.п. [История..., 1979; Макарова, 1987]. Напротив, историография 1990-х гг. заполнена обличениями советской национальной политики, но, как и ранее, давала позитивные оценки советского этнизированного федерализма в ракурсе опережающего развития этнических меньшинств [Национально-государственное строительство..., 1995]. С начала 2000-х гг. стали публиковаться работы А.И. Вдовина, поставившего вопрос о неравноправии этнического ядра государства вследствие политики «коренизации» раннесоветского периода [Вдовин, 2004, с. 7–69; Вдовин, 2019, с. 16–86]. В западной историографии следует упомянуть концептуальный труд Терри Мартина, осмыслившего феномен советской «империи навыворот», affirmative action empire [Martin, 2001]. Большое значение имеет работа Франсина Хирша, изучившего роль этнографов и языковедов в выработке принципов советского федерализма и национальной политики [Hirsch, 2005]. На материалах Северного Кавказа этнополитику 1920-х гг. глубоко проанализировал Ю.Ю. Карпов [Карпов, 2017, с. 27–46]. Среди новейших обобщающих исследований полезно отметить монографию Д.А. Аманжоловой, К.В. Дроздова, Т.Ю. Красовицкой и В.В. Тихонова [Аманжолова, Дроздов, Красовицкая, Тихонов, 2021, с. 254–452]. В ней по-новому освещается тема соотношений полиэтничности и идеала «советского народа», равноправия и интеграции этнических групп.

Выводы, к которым приходят исследователи национальной политики, определяются методологией анализа. В современной этнологии преобладает конструктивизм [Anderson, 2016; Тишков, 2021, с. 29–40]. Мы отстаиваем конструктивистский взгляд на историю советской национальной политики, разделяем надэтничную,

политико-правовую, а не этнизированную трактовку терминов «нация» и «национальное». Система партийной и государственной власти целенаправленно формировала политическое полиэтничное сообщество – советский народ, вводя нормативные классификации этнических групп и наделяя их коллективными статусами. Роль врожденных, биологических маркеров «принадлежности» индивидов учитывалась органами власти, но истолковывалась противоречиво, в зависимости от текущих обстоятельств.

Источниковую основу статьи представляют собой тексты Конституции РСФСР 1918 г., резолюции X и XII съездов РКП(б), выступления политических лидеров всероссийского и регионального уровней, документы Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) и Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б), материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Оценивая цели ранней этнополитики РКП(б) и Советского государства, нужно понимать, что отношения между народами считались соподчиненной темой в сравнении с победой мировой революции [Ленин, 1969, с. 256]. Урегулирование конфликтов между народами бывшей Российской империи мыслилось в рамках принципов равноправия и самоопределения наций, создания благоприятных условий для развития языков и культур «ранее угнетенных» общностей [Конституция..., 1918]. Русский народ как бывшая опора самодержавия должен был искупить «вину» и лишался ресурсов политической субъектности [Ленин, 1970, с. 359; Двенадцатый съезд..., 1968, с. 613]. В этом же русле действовала система мер «коренизации», определенная в резолюциях X и XII съездов РКП(б): формирование субъектов федерации и автономных образований по этническому принципу, приоритетное финансирование местностей проживания народов, увеличение доли народов в партийном и государственном аппарате автономий, создание национальных алфавитов и ликвидация неграмотности на родном языке, поддержка этнических культур [Об очередных задачах..., 1983, с. 360–370; По национальному вопросу..., 1984, с. 79–88].

Если обратиться к раннему употреблению термина «советский народ», то вплоть до начала 1930-х гг. это словосочетание применялось крайне редко. Ему предшествовали термины «новый человек», «советские люди», имевшие идейно-политический, а не этнический смысл. Например, в пособии «Азбука коммунизма» Н.И. Бухарин и Е.А. Преображенский писали о воспитании «нового человека» в Советской России [Бухарин, Преображенский, 1920, с. 182–192]. «Советские люди» противопоставлялись классово чуждым «антисоветским элементам». Советская система принципиально не допускала сохранения гражданского общества. Поэтому советский народ создавался в качестве государственно-управляемого интегрированного сообщества, «государственной нации», объединенной политическими взглядами и статусом, включавшей в себя, но не ассимилировавшей многочисленные народы страны. Советская власть юридически ликвидировала неравноправие и дискриминацию народов, предстояло обеспечить равноправие и сотрудничество народов на деле.

Данный проект сталкивался с серьезными препятствиями в полиэтничных и неравномерно развитых регионах РСФСР. Например, на Юге России проявлялся стадийный разрыв в уровне развития областей с преимущественно славянским населением и автономных образований Северного Кавказа, созданных в 1920–1922 гг. Между

ними велась острая борьба за территории и статус. Применение концепции этнотерриториального федерализма в условиях Северного Кавказа привело к обособлению административных единиц, к попыткам вытеснить этнические меньшинства и с занимаемых земель, и с престижных должностей. В ряде случаев (антисоветские восстания в Чечне и Дагестане, осетино-ингушский конфликт) реальность вступала в вопиющее противоречие с идеологией, требуя нестандартных прагматических решений. Так, способами регулирования конфликта на чечено-дагестанской границе в 1924–1925 гг. стали создание отрядов самообороны, арбитраж авторитетных старейшин — знатоков Корана (маслаат), проведение заседаний Советов с участием представителей соседних автономий [ГАРО, ф. Р-1485, оп. 1, д. 300, л. 177–181]. То есть, использовались приемы, заимствованные из дореволюционной практики.

Партийные и государственные руководители слабо знали состояние народов Юга России, их традиции и запросы. Например, это признавалось в постановлении бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б) 13 января 1925 г. по докладу А.И. Микояна и Н.Б. Эйсмонта о поездке в автономные области [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 100, л. 6–8]. Такая ситуация была следствием незнания присланными из других регионов партийно-советскими работниками местных языков и норм ислама, слабости местных органов печати и агитационной работы местных чиновников.

Роль этнографов, статистиков и журналистов в формировании нормативных представлений о народах СССР была достаточно весомой. Еще в начале 1917 г. Академия наук создала Комиссию по изучению племенного состава населения России (КИПС). Ее экспедиции и отдельные эксперты привлекались органами власти для обоснования статуса автономий, их границ и разрешения конфликтов. КИПС активно сотрудничала с Народным комиссариатом по делам национальностей РСФСР, отстаивая этнический принцип формирования автономий в спорах с Административной комиссией ВЦИК и Госпланом РСФСР — сторонниками экономического принципа районирования [Hirsch, 2005, p. 111]. В 1922–начале 1924 гг. велась значительная работа по обоснованию нового административно-территориального деления, одним из аргументов при проведении границ были составленные этнографами и географами списки национальностей. Этнографические сведения использовались Центральным статистическим управлением СССР при подготовке программы переписи 1926 г. Органы власти стремились «рационализировать» этническую структуру общества, поощряя разработку единого алфавита для всех народов Северного Кавказа на основе латинской графики и тюркского (азербайджанского) языка. Эту работу курировал председатель Национального совета при Северо-Кавказском крайисполкоме Советов УД. Алиев [ГАРО, ф. Р-1485, оп. 1, д. 533, л. 32]. Поддерживал его деятельность и дагестанский большевик Н.П. Самурский (Эфендиев) [Самурский, 1925]. Тем самым, количество официально признанных этнических номинаций уменьшалось, что подтверждается сравнением вопросников Всесоюзных переписей 1926 и 1939 гг.

Бесспорно, регулирование межэтнических отношений, взаимодействий полиэтничного общества и власти находилось под сильным влиянием традиций патернализма. Так, составители «Выводов и предложений комиссии ЦКК и ВЦИК по состоянию советской и хозяйственной работы по национальных областях» Северо-Кавказского края (июль

1928 г.) отмечали слабость местных Советов и общественных организаций (комсомола, профсоюзов, женских советов), острый недостаток образованных руководителей. На этом фоне сохранялись сильное влияние духовенства, бывших помещиков, пережитки родовых патриархальных отношений. Заседания аульных Советов подменялись пятничными сходами граждан возле мечетей; муллы и знать подчас избирались в местные органы управления и руководили ими [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 685, л. 29–33]. В 1924–1925 гг. Северо-Кавказский крайком РКП(б) рассматривал итоги обследований Карачаево-Черкесской партийной организации, в которой происходили постоянные конфликты на кланово-родственной основе между «княжеской» и «крестьянской» группировками [ЦДНИРО, ф. 7, оп. 1, д. 25, л. 35, 41]. Ярким примером «вождизма» давали руководители многих автономий, например, Б.Э. Калмыков – председатель Кабардино-Балкарского облисполкома, подмявший под себя обком РКП(б), прокуратуру и прочие органы управления. Представительство этнических интересов в системе власти подменялось представительством местных «сильных личностей», вокруг которых складывалась этнизированная номенклатура той или иной автономии.

Подведем итоги. Конкурирующие процессы: формирование советского народа и политика «коренизации» в 1920–1932 гг. развивались в контрастирующих направлениях. Создание повышенных статусов для этнотерриториальных автономий по мере укрепления Советского государства входило в противоречие с императивами интеграции полиэтничного населения, укрепления аппарата власти. В раннесоветский период термин «советский народ» применялся редко и в основном в идеологическом смысле; насыщение термина этническими коннотациями развивается позже, с 1930-х гг. вследствие курса на централизацию государства. Советский народ создавался в качестве государственно-управляемого интегрированного сообщества, «государственной нации», объединенной политическими взглядами и статусом, включавшей в себя, но не ассимилировавшей многочисленные народы страны. Формирование и развитие «советского народа» меняло содержание маркеров этнических идентичностей, способствовало «укрупнению» этнических групп за счет внутриэтнической консолидации.

Факторами изменений приоритетов нациестроительства в СССР, конструирования и развития этнических идентичностей были: крайняя неравномерность социально-экономического и культурного развития народов; прочность этнических и конфессиональных традиций; слабость партийно-государственного аппарата власти в этнических автономиях; многочисленные проявления клановости и оппозиционных выступлений. В условиях угрозы мировой войны центральная власть сделала оправданный выбор в пользу идеи сплочения народов СССР вокруг «русского народа – старшего брата».

Этнографы, статистики и журналисты сыграли весомую роль в формировании нормативных представлений о народах СССР, участвуя в составлении перечней народов для переписей населения, в обосновании границ и статуса этнических автономий, в составлении новых алфавитов и их пропаганде.

Традиции патернализма, этатизма и вождизма сильно влияли на регулирование межэтнических отношений и взаимодействий общества с властью. На примере автономий Северо-Кавказского края доказано формирование этнизированной номенклатуры, опиравшейся на кланово-родственные связи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Красовицкая Т.Ю., Тихонов В.В. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М.: Новый хронограф, 2021. 576 с.

Бухарин Н.И., Преображенский Е.А. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков. Пб.: Гос. изд-во, 1920. 321 с.

Вдовин А.И. Русская нация в XX веке (русское, советское, российское в этнополитической истории России). М.: РФПресс, 2019. 712 с.

Вдовин А.И. Русские в XX веке. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 448 с.

Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 300.

ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 533.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. XXII; 904 с.

История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1978. Отв. ред. Д.А. Чугаев. М.: Мысль, 1979. Т. 1. 516 с.

Карлов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 399 с.

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. 1918 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2929#VTjTvKTk8rHizfp6> (дата обращения – 14 октября 2022 г.).

Ленин В.И. К вопросу о национальностях или об «автономизации» // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 356–362.

Ленин В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (тезисы) // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 27. С. 252–266.

Макарова Г.П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917–1923 гг. Исторический очерк. М.: Наука, 1987. 173 с.

Национально-государственное строительство в Российской Федерации. Северный Кавказ (1917–1941 гг.) Майкоп: Меоты, 1995. 286 с.

Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Резолюция Десятого съезда РКП(б) // *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986)*. Изд. 9-е, доп. и испр. М.: Политиздат, 1983. Т. 2. С. 360–370.

По национальному вопросу: Резолюция Двенадцатого съезда РКП(б) // *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986)*. Изд. 9-е, доп. и испр. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. С. 79–88.

Самурский Н. Дагестан. М.; Л.: Госиздат, 1925. 152 с.

Тишков В.А. Воображаемое – не значит выдуманное // *Антропология и этнология: современный взгляд*. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 26–43.

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 100.

ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 25.

ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 685.

Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Revised edition. New York: Verso, 2016. 256 p.

Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca (N.Y.): Cornell University Press, 2005. 392 p.

Martin T. *An Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press. 2001. XVII, 496 p.

REFERENCES

Amanzholova D.A., Drozdov K.S., Krasovitskaya T.Yu., Tikhonov V.V. *Sovetskiy natsional'niy proekt v 1920–1940-e gody: ideologiya i praktika* [Soviet national project in the 1920s–1940s: ideology and practice]. Moscow: Noviy Khronograf Publ., 2021. 576 p. (in Russian).

Bukharin N.I., Preobrazhenskiy E.A. *Azbuka kommunizma: populyarnoe ob'yasnenie programmy Rossiyskoy kommunisticheskoy partii bol'shevikov* [The ABC of Communism: A Popular Explanation of the Program of the Russian Communist Party of Bolsheviks]. Petersburg: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1920. 321 p. (in Russian).

Vdovin A.I. *Russkaya natsiya v XX veke (russkoe, sovetskoe, rossiyskoe v etnopoliticheskoy istorii Rossii)* [Russian nation in the XX century (Russian, Soviet, Russian in the ethno-political history of Russia)]. Moscow: RG-Press, 2019. 712 p. (in Russian).

Vdovin A.I. *Russkie v XX veke* [Russians in the XX century]. Moscow: OLMA-PRESS, 2004. 448 p. (in Russian).

State Archive of the Rostov Region (GARO). F. R-1485. Inv. 1. D. 300.

GARO. F. R-1485. Inv. 1. D. 533.

Dvenadtsatiy s'ezd RKP(b). 17–25 aprelya 1923 goda: Stenograficheskiy otchet [Twelfth Congress of the RCP(b). April 17–25, 1923: Verbatim record]. Moscow: Politizdat, 1968. XXII, 904 p. (in Russian).

Istoriya natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v SSSR. 1917–1978 [History of nation-state construction in the USSR. 1917–1978]. Ed. by D.A. Chugaev. Moscow: Mysl' Publ., 1979. Vol. 1. 516 p. (in Russian).

Karpov Yu.Yu. *Natsional'naya politika sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoy periferii v 20–30-e gg. XX v.: evolyutsiya problem i resheniy* [National policy of the Soviet state in the North Caucasian periphery in the 20–30s XX century: evolution of problems and solutions]. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2017. 399 p. (in Russian).

Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki. 1918 g. [Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic. 1918]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2929#VTjTvKtk8rHizfp6> (accessed 14 October 2022).

Lenin V.I. K voprosu o natsional'nostyakh ili ob "avtonomizatsii" [On the question of nationalities or "autonomization"], in Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Full composition of writings]. Moscow: Politizdat, 1970. Vol. 45. Pp. 356–362 (in Russian).

Lenin V.I. Sotsialisticheskaya revolyutsiya i pravo natsiy na samoopredelenie (teziy) [Socialist revolution and the right of nations to self-determination (theses)], in Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Full composition of writings]. Moscow: Politizdat, 1969. Vol. 27. Pp. 252–266 (in Russian).

Makarova G.P. *Narodnyy komissariat po delam natsional'nostey RSFSR, 1917–1923 gg. Istoricheskiy ocherk* [People's Commissariat for Nationalities of the RSFSR, 1917–1923 Historical essay]. Moscow: Nauka Publ., 1987. 173 p. (in Russian).

Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Rossiyskoy Federatsii. Severniy Kavkaz (1917–1941 gg.) [Nation-state construction in the Russian Federation. North Caucasus (1917–1941)]. Maykop: Meoty Publ., 1995. 286 p. (in Russian).

Ob ocherednykh zadachakh partii v natsional'nom voprose: Rezolyutsiya Desyatogo s'ezda RKP(b) [On the Party's Immediate Tasks in the National Question: Resolution of the Tenth Congress of the RCP(b)], in *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986)* [Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. Izd. 9-e, dop. i ispr. Moscow: Politizdat, 1983. Vol. 2. Pp. 360–370 (in Russian).

Po natsional'nomu voprosu: Rezolyutsiya Dvenadtsatogo s'ezda RKP(b) [On the national question: Resolution of the Twelfth Congress of the RCP(b)], in *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986)* [Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986)]. Izd. 9-e, dop. i ispr. Moscow: Politizdat, 1984. Vol. 3. Pp. 79–88 (in Russian).

Samurskiy N. *Dagestan* [Dagestan]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925. 152 p. (in Russian).

Tishkov V.A. *Voobrazhaemoe – ne znachit vydumannoe* [Imaginary does not mean invented], in *Antropologiya i etnologiya: sovremennyy vzglyad* [Anthropology and ethnology: a modern view]. Moscow: Politicheskaya encyclopedia Publ., 2021. Pp. 26–43 (in Russian).

Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (TsDNIRO). F. 7. Inv. 1. D. 100.

TsDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 25.

TsDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 685.

Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Revised edition*. New York: Verso, 2016. 256 p.

Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca (N.Y.): Cornell University Press, 2005. 392 p.

Martin T. *An Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca: Cornell University Press. 2001. XVII, 496 p.

Статья принята к публикации 14.11.2022 г.